

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оскаръ Альвскій.

На сводъ лазоревыхъ небесъ
Взошло полночное свѣшло,
И мрачный доль и спящій лѣсъ
Сіяньемъ тихимъ озарило;
Шумящей Лоры на брегахъ
Вкругъ замка Альвы волны плещуть;
И башни древнія въ водахъ
Смотрясь, въ ихъ зеркаль препенуть.

Не разъ спокойный лучъ луны
Скользилъ по шлемамъ грозныхъ боевъ,
Когда подъ снѣгу пишины
Изъ замка шли въ пыль грозныхъ боевъ;
Не разъ на гордыхъ высотахъ
Утесовъ, Лорой орошенныхъ,
Луна сребрила на поляхъ
Осшанки боевъ пораженныхъ.

Но мѣсяца печальный ликъ
Теперь пустыню освѣщаетъ;
Могущихъ Альвы нынѣ владыкъ
Ихъ прахъ въ семь замкѣ почиваетъ.
Еще огромныхъ башенъ рядъ
Рука время досель щадила;
Но воиновъ угасишь взглядъ
И ушомилась храбрыхъ сила.

Вотще въ разрушенныхъ стѣнахъ
Несется бурь ночныхъ дыханье;
И въпрѣ, играя въ знаменахъ,
Тревожитъ древнее молчанье.
Оскара празденъ мечъ и щипъ,
Герой почющій не внемлетъ;

И шлемъ поверженный лежишь,
И все забвеніе объемишь.

Вопльъ здѣсь, какъ свѣшь узрѣлъ Оскаръ —
Съ живою радостью родилель
Пріялъ его, какъ неба даръ,
Опцевъ въ завѣтную обшлель.
Вассаламъ Ангъ устроилъ пиръ;
И старъ и младъ бѣжалъ къ обѣду;
И рогъ звучащій, вмѣсто лиръ,
Живидъ воншелей бѣсѣду.

Едва другой сокрылся годъ —
Родилель вновь на пиръ гонцами
Созвалъ усердный свой народъ —
Вновь сынъ былъ посланъ Небесами.
Съ пѣхъ поръ, заботливой рукой
Лелѣлъ Ангъ питомцевъ милыхъ
И съ ихъ любовію святой
Не зрѣлъ дней сшаросши унылыхъ.

Во слѣдъ за ланьми по горамъ
Оскаръ съ Алланомъ бѣспро мчалель;
Бродя по холмамъ и лѣсамъ,
Съ добычей шлжкой возвращались.
Но лишь съ младенчествомъ зланымъ
Простясь, вступили въ возрастъ зрѣлый,
Конь и мечъ знакомы имъ
И башъ губилельныя сшрѣлы.

Оскаръ въ себя соединилъ
Съ весельемъ правомъ уль глубокой;
Алланъ былъ мраченъ и унылъ;
Скпшалель, часто одинокой.
Оскаръ былъ истинный Герой,
Съ открытымъ взоромъ, вѣренъ чести;
Алланъ съ прищворною душой,
Отъ раннихъ лѣтъ языкъ зналъ лести.

Изъ отдаленныхъ областей
Красавица прибывъ въ ихъ горы,
Предметомъ стала всѣхъ рѣчей,
И всѣхъ плѣнила прелесть Моры.
Оскаръ, воспорженный душой,
Къ прелестной страстию пылаешь,
И искоръ съ радостной слезой
Родитель бракъ благословляетъ.

Я внимаю звукъ роговъ златыхъ
И пѣсенъ брачныхъ шумны клики;
Герои въ панцыряхъ спальныхъ
Стояшь вокругъ Альскаго владыки;
И вошь, пиръ свадебный гошовъ;
Ликують храбрые средь стана,
И полнь гостей веселихъ кровъ,
Лишь нѣтъ Оскара и Аллана.

Алланъ явился наконецъ,
Возсѣлъ, приближая къ невестѣ,
Въ смущеннѣ болѣе онецъ
Сыновъ своихъ не видя вмѣстѣ.
„Почто, Оскаръ, въ сей часъ златой
Замедлил въ полъ?“ — вопрошаешь;
Безвѣстно мнѣ, родитель мой!
Аллацъ печально отвѣчаешь.

Но, можешь бытъ, онъ вдалекѣ
Бѣжипъ за серной молодою,
Или на легкой челнокѣ
Заспигнушь бурною волною.“ —
„О, нѣтъ! за серной не бѣжипъ
И не волной заспигнушь Лоры!
Ужель въ день брака оскорбишь
Онъ сердце обрученной Моры?“ —

„Гдѣ вы, о воевъ храбрый сонмъ,
Отщевъ завѣтная дружина!“

Пройди дремучій лѣсъ кругомъ
И возврати надежду — сына.“ —
И все въ смятеньи — на конлхъ
Пустились воины, печальны;
„Оскаръ! раздалось въ лѣсахъ.
„Оскаръ! разносплхъ берегъ дальный,

И ночь простерла грозну тѣнь!
И по дубравамъ тѣ жъ отзвыы!
Сомнишельно мелькаешъ день,
Но роцн также молчаливы!
Злапшпъ зря небесный кровь;
Проснулась шихая долина,
И хоръ гремитъ среди лѣсовъ —
Но все ошецъ не видпшъ сына!

Трикрапы свѣщлый день блпспалъ,
Трикрапы темна ночь сходпла,
Но воевъ кликъ не умолкалъ,
Дружина щещно вокругъ бродпла;
Надежды въ спарцѣ лучъ угасъ.
Въ поскѣ, онъ рвешъ съ главы сѣдпы,
И съ жалобой въ послѣднй разъ
Излялъ всю скорбь своей кручны.

„Оскаръ! услада дней монхъ!
Лишень себя, лишень опоры!
Но если на поляхъ чужихъ
Твой на вѣкъ угасли взоры,
Ты палъ убійцы подь рукой! . . .
О, Небеса! молю о мщеньи!
Пусть дней конецъ пресшупникъ злой
Узрпшъ въ ужаснѣйшемъ мученьи.

„Бышь можешъ, сына моего
Оставень прахъ безъ погребенья!
Въ печали жду лишь одного:
Съ нимъ вѣчнаго соединенья.

О, благодать крошкая Небесь!
Прости преступное желанье:
Его исторгло съ шокѣмъ слезъ
Души ужасное сшраданье.

Такъ въ скорби съговаривалъ отецъ,
Призвавъ Судьбы непоспшжимы;
Но время горестныхъ сердець
Всегда былъ врачъ неупомимый.
Какой-то тайный гласъ въщялъ:
„Оскаръ увидишь съ тобою.“ —
И годъ незримо пробъжалъ;
Спокойный старецъ спалъ душою.

Но сынъ другой усладой былъ:
Имъ оживлялъ угасши взоры.
Аланъ въ свою чреду склонилъ
Томившееся сердце Моры.
„Свершилося! Оскара въшь!
Такъ мишь красавица порою;
Но если онъ и видишь съшь,
То жизнью дльнися съ другою.“

Но пусть еще проходить годъ —
Въщяетъ старецъ со слезами.
Коль медленный его пеходъ
Оскара не застанешъ съ нами;
Тогда прискорбнаго опца
Умолкнешъ голосъ сожаленья.
И будущъ въжня сердца
Достойны узъ соединенья.

И наступилъ желанный день.
Съшьмюшь взоры обрученной,
Исчезли горести, какъ лънь,
Въ цъпахъ одежды драгоцънной.
И близокъ наслажденй часъ!
Готовишя обрядъ въначальный,

И старецъ дряхлый въ первый разъ
Ошрясь съ нела шуманъ печальный.

Я внимаю звукъ роговъ влапыхъ,
И пѣснь брачныхъ шумны клнки;
Герои въ панциряхъ сальныхъ
Стопашъ вкругъ Альвскаго владыки.
И воть, пирь свадебный готовъ,
Ллкуютъ храбрые средъ стана,
И полкъ гостей веселыхъ кровь,
И прославляють всъ Алмана.

Но кто, безвѣстный сей пришлецъ,
Склоилешъ взоръ къ сидящимъ мрачный,
Веселье отправилъ сердцеъ
Незванный гостя на пирь сей брачный.
Воскрплемъ черной ризы, онъ
Свой шлемъ надвигнувши, покрывся,
И въ думу, какъ глубокий сонъ,
Возвѣшій Рыцарь погрузился.

Недвижный и шуманный взоръ
Мелькалъ украдкой сквозь забрало;
Грозу шавншвенныхъ укоръ
Его молчанье предвѣщало;
И страхъ небольшой пробѣжалъ
Въ кругу красавицъ взумленныхъ:
Пришлецъ невѣдомый молчалъ
Одинъ средъ клпковъ взсупленныхъ.

Бѣтъ полночь — шумный кругъ зашихъ,
Суровость гостя примѣчая —
И воть, за здравье молодихъ
Несется чаша круговая.
Туть всталъ съ поспѣшностью пришлецъ
И всъ шомялся въ ожиданьи,
Встрепожень жениховъ отецъ
И сердце Моря въ содроганьи.

„Внимай, вскричалъ онъ, старецъ, мнѣ:
Сей кубокъ поданъ въ честь Аллану,
И я въ покорной пишинѣ
Пить съ прочими госпиями стану.
Но есть еще намъ долгъ святой . . .
Въ шопъ часъ, какъ все въ увеселеньи,
Алана заняпа судьбой,
Почто Оскаръ, твой сынъ, въ забвеньи?“ —

И Ангъ отвѣтствовалъ съ слезой:
„Трикрапы свѣплая денница
Годичный путь свершаешь свой,
Какъ мнѣ безъ сына свѣшь шемница.
„Но еслибъ — продолжалъ пришлецъ —
Ему дарилъ воспоминанье,
То знай, поскующій отецъ,
Ты зрѣлъ еще бы съ нимъ свиданье.

„Подыметь кубокъ въ честь его —
Торжественно всѣмъ возглашаю,
Гоповъ! въ честь сына моего,
Заздравну чашу подымаю.
„Но кубокъ сей почто Алланъ
Берѣтъ трепещущей рукою,
Иль брата, средь родимыхъ спранъ,
Почтивъ не хочешь честию шюю? . . .“ —

И до минуты роковой,
Алана рдѣлися ланиты;
Но съ сею рѣчью гробовой,
Внезапно блѣдношью покрыты . . .
Трикрапы чату онъ къ ушамъ
Подносятъ, сердца скривъ укору,
Трикрапы — спрахъ его очамъ —
Предъ нимъ невѣдомаго взору!

Его усмѣшкой приспѣженъ
Аланъ въцаешъ, пазпулненный:

„Отцу да будетъ возвращень
Оскаръ, столь долго опчужденный!“ —
Умолкъ — и въ душу смертный хладъ
Съ сей рѣчью грозною пролился.
Роняешь кубокъ . . . / шукнешь взглядъ,
Небесной казни часъ свершился!

Онъ, онъ убійца! слышенъ гласъ,
Убійца! гости повторили,
И яркій блескъ свѣчей погасъ,
И бури грозныя завывли,
И замка сводъ разсыкъ ударъ,
И озаренный молній блескомъ
Предсталъ . . . израненный Оскаръ!
И все исчезло съ страшнымъ прескомъ.

Кто жъ былъ таинственный пришлецъ,
Сей призракъ грознаго виднья,
Никшо не въдалъ! но отецъ
Позналъ весь ужасъ преступленья.
Алмазъ раскаяньемъ сраженъ,
Узрѣлъ безвременно кончину,
И старецъ, Небомъ извѣщенъ,
Опшелъ къ погибнувшему сыну.

Вы видите ль на сихъ холмахъ
Убійцы гробъ уединенный?
Его сокрытъ далеко прахъ,
Трофеевъ Альвы отлученный!
Они навѣкъ обагрены
Братоубійственной рукою,
Но въ замкѣ семь сохранены
И съ страшной повѣстію тою.

И прахъ убійцы не почнутъ
Сыны могущихъ вдохновеній,
И подвиговъ не опдадутъ
Въ завѣсть грядущихъ поколѣній.

Надъ нимъ проклятіе отца
Въ дубравъ эхо повторяетъ
И ужасъ грознаго конца
Душамъ преступнымъ возвѣщаетъ.

Дн. Гл.

Конецъ 17-й книжки.

Печаташе позволено: Ноября 5-го дня, 1826 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейковскимъ.

НОВАЯ И ДЕКАБРЬ, 1836.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.	Стр.
Въ Память Императрицы Елисаветы Алексеевны	161.
Екатеринославъ	171.
Простя	179.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оскаръ Альвегій	216.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Печатаемо въ Военной Типографіи.